

Добрыня Никитич. Жена за другого

(Пудожского уезда, Филимоновской волости)

Досюль Добрынюшка матушки говаривал:

«Свет-государыня матушка,

Честна вдова Немельфа Тимофеевна!

На что меня несчастного молодца спородила,

Гребешком мою головку загладила,

Копылком 1 бородку наладила,

Спустила доброго молодца во далече-далече во чисто поле,

Напрасно бить удалых добрых молодцев,

Проливать крови горячия,

Оставлять сиротать малых детушек,

Скитаться женам молодыим?»

Она говорит ему таково слово:

«Ай же, рожёно мое дитятко,

Молодой Добрыня Никитинич!

Хотела родить тебя добра молодца во смелого Алешу Поповича,

Выступкою щапить 2 в молода Чурилу Пленкова,

Силой могучею богатырскою во старого казака Илью Муромца,

На добром коне ездить во Потыха Михайлу Ивановича,

Красой-басой во Осипа Прекрасного,

Именем-богачеством в молода боярина во Дюка Степановича,

Из туга лука стрелять во Тугарина во Змиевича во заморского. —

Как вставал Добрыня на резвы ноги,

Говорил он матушки таковы слова:

«Свет-государыня матушка!

Благодарю на тех словах на умильных,

На речах на разумных».

Потом он шел на широкой двор,

А со двора он шел на стойла лошадиныя,

Брал он добра коня,

Выводил он добра коня на широкой двор,

Стал он седлать добра коня,

Кладал он потнички на потнички,

Войлочки на войлочки,

На верех кладал ковано седло черкасское,
Затягивал двенадцатью подпругами богатырскими,
Натягивал тринадцатую продольную,
Подпруги те были чистого серебра,
Пряжи-шпильки красного золота,
Стремена булата заморского,
Шелк-то был да шемахатный:
Шелк-то не трется да не рвется,
Булат не ржавиет,
Красно золото не мидиет,
Чисто серебро не зелизиет³;
Потом он шел в палаты белокаменны,
Надевал он платья дорожня,
Кладывал те луки во налучники,
Калены стрелы во колчана,
Вязал он крепки палицы на бедро свое,
Потом молился крестам пречудным,
Отправлялся в дорожку во дальнюю,
Во далече-далече во чисто поле.
Прощался он со своей государыней со матушкою,
С молодой женой с Натальей Микуличной.
Потом пошел на широкой двор.
Как говорит тут честна вдова Немельфа Тимофеевна
Любезной невестушки молодой Натальи Микуличной:
«Молода Наталья Микулична!
Чтò ты сидишь да высиживаешь,
А у молодого Добрынюшки не спрашиваешь,
На долго ли Добрыня поезжает во чисто поле,
Долго ли нам ждать его из чиста поля?»
Тут Наталья Микулична скоро бежала на широкой двор,
Брала Добрыню за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя:
«Муж ты мой любезный, молодой Добрыня Никитинич!
Надолго ли поезжаешь во чисто поле
И долго ли нам ждать тебя из чиста поля?»
Он говорит: «Ай же ты, молода жена, любима семья,
Ты Наталья да Микулична!
Ты жди меня из чиста поля ровно три года;
Ежели не буду я через три года из чиста поля,

Так еще жди ровно три года,
Всего на-все будет шесть годов;
Ежели не буду через шесть годов из чиста поля,
То там, жена, хоть вдовой живи, а хоть в замуж поди;
Послухай-ко, жена, наказу да мужняго:
Не ходи-тко ты за смелого Олешу Поповича, —
Олеша пустохваст есть,
Век Олеша пустым хвастает;
Еще не ходи за молодого Чурилу Пленкова;
Еще не ходи, жена моя любезная, ни за купца, ни за барина,
Ни за московского гостя торгового;
А поди-ка за росейского могучего за богатыря,
Чтобы жены наши богатырския
Доставались росейским могучим богатырям».
Столько видела молода Добрынюшку на добра коня сядучись,
Уехал тут Добрынюшка во чисто поле.

Тут не две утушки серья сплывалися,
Не две белыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невестушка в одно место,
Плачут-обливаются,
Да молода Добрынюшку из чиста поля дожидаются,
Приедучись не начаются⁴.
Тут-то день-то за день как дождь дождит,
Неделя за неделей как трава растет,
Год-то за год как река бежит:
Прошло тому времечки ровно три года,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Приходит смелый душечка Олеша Попович-то
К ним в палаты белокаменны
Крест сполна кладал-то по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все четыре стороны,
Честной вдовы Немельфе Тимофеевной в особину,
И молодой Натальи Микуличной в особину,
Сам садился на лавицу,
Начал он забаивать и начал заговаривать,
Молоду Натальюшку в замуж подсватывать:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ты поди-ка за меня доброго молодца в замужество;

Не будет Добрыня из чиста поля:
Вчерась прошла круглая неделюшка,
Как я приехал из чиста поля,
Видел во чистом поле Добрынюшку убитого,
Головкой он лежит на ракитов куст,
Ножками лежит опачей реку⁵,
Ясные очи у польских у воронов повыклеваны,
Сквозь белую грудь травка повыросла». —
Тут говорит она: «Ты поди-ка прочь, смелый Олеша Попович!
Не пойду я за тебя в замуж:
Надобно мне ждать Добрынюшку
Из чиста поля еще три года,
Всего на все будет шесть годов». —
Тут Олешенька да не весел стал,
Сам говорил Олеша таковы слова:
«Ай же молода Наталья Микулична!
Хошь ты туляешься-виляешься,
За инного в замуж не достанешься,
Как будешь за мной да во замужестве!»
Сам пошел-то из палат-то белокаменных.
День-то за день как дождь дождит,
Неделя за неделей как трава растет,
Год-то за год как река бежит:
Прошло тому времени ровно шесть годов,
Как не бывал Добрыня из чиста поля.
Опять приходит смелый Олеша Попович-то
К ним в палаты белокаменны,
Крест кладал-то по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все четыре стороны,
Честной вдовы Намельфе Тимофеевной в особину,
И молодой Натальи Микуличной в особину,
Сам садился на лавицу,
Начал он забаивать и начал заговаривать
Молоду Натальюшку в замуж подсватывать:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ты поди-ка за меня доброго молодца во замужество:
Не будет Добрыня из чиста поля».
Она ему говорит таковы слова:

«Ай же ты, смелый Олеша Попович!
Ты с добра поди с палат белокаменных:
Я прожила заповедь мужскую,
Я еще кладу заповедь да женскую на шесть лет,
Всего на все будет двенадцать лет:
Ежели не будет Добрыня через двенадцать лет,
Тогда будет у меня своя воля вольная,
Тогда хошь я вдовой живи, а хошь замуж поди;
Но мне не велено итти за тебя, за смелого Олешу Поповича,
Потому что ты пустохваст-то есть,
Пустым ты, Олеша, хвастаешь;
Мне не велено итти за молодого Чурило Пленкова;
Еще не велено итти ни за купца, ни за барина,
Ни за московского гостя торгового;
Велено итти за росейского могучего богатыря,
Чтобы наши жены богатырския доставались росейским богатырям».
Тут Олешенька не весел стал,
Говорил опять да таковы слова:
«Хоть ты туляешься-виляешься,
Но за инного в замуж не достанешься:
Будешь за мной во замужестве!»
Пошел вон он с палат белокаменных. —
Тут прошло времечки ровно двенадцать лет,
Как не бывал Добрыня из чиста поля;
Тут опять приходит смелый Олеша Попович-то,
Со солнышком со князем со Владимиром,
Крест кладал он по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
Кланялся на все четыре стороны,
Честной вдовы Намильфе Тимофеевной в особину,
Молодой Натальи Микуличной в особину,
Садился он на лавицу и говорил таковы слова:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Поди ты за меня замуж!»
Она говорит: «Нейду я за тебя во замужество».
Тут говорит солнышко Владимир князь:
«Ай же ты, молода Наталья Микулична!
Ежели нейдешь за смелого Олешу Поповича
Во свой город во Киев,

Там отдадим тебя во землю Литовскую
За мурзу-татарина».

Она говорит таковы слова:

«Я нейду за смелого Олешу Поповича».

Тут говорят они:

«Ты добром нейдешь, ми силом возмем!»

И брали ее за белы руки,

Повели во церковь соборную,

Повенчали со смелым Олешой Поповичем.

Тут солнышко князь стольно-киевский

Брал их за белы руки,

Повел во свои палаты белокаменны,

Тут заводил для Олешы столованье — почетный пир,

Сбирал для Олешы на почетный пир многих тут,

Князей-бояринов, (сенаторов) думных,

Вельмож-купчей богатых, поляниц удалых,

Росейских могучих богатырей;

Пошло у них столованье — почетный пир.

Как из чиста поля приезжал Добрыня Никитинич

Ко реки ко Сороги,

Становил добра коня ко сыру дубу,

Насыпал во полость во белую пшеницы белояровой,

Сам садился хлеба кушати-трапезовать.

Конь не зоблет пшеницы белояровой,

Клонит буйную голову

До матушки сырой земли,

Копытом бьет во матушку во сыру землю.

Как говорит Добрыня Никитинич своему добру коню:

Ай же ты, добрый конь!

Что же ты не зоблешь пшеницы белояровой,

Клонишь буйную голову до матушки сырой земли

И копытом бьешь во матушку сыру землю?

Каку ты себе незгодушку ведаешь,

Над моей над буйной головушкой или над своей,

Аль во чистом поле рать-силу великую?»

Как конь провещал языком человеческим:

«Ай же, любезный хозяин Добрыня Никитинич!

Над твоей над буйной головушкой есть незгода великая:

Как во славном-то во городе во Киеве,

Твоя-то молода жена
Как сегодня пирует со смелым Олешей Поповичем;
Добром она не шла, ей силом взяли,
Солнышко князь стольно-киевский». —
Он тут скоро сядил на добра коня,
Бил коня по крутым ребрам,
Поехал во всю пору лошадиную;
Конь начал с гор на гору да перескакивать.
Скоро приезжал ко славному ко городу ко Киеву.

Приезжал он к своим поселям ко дворянским,
Ко своим палатам белокаменным,
Заезжал он на свой широкий двор,
Увидел он свою матушку сидящую
Под окошечком слезно плачущий:
«Ай же, свет-государыни матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Отложай воротечка решетчатые,
Встречай молодого Добрыню из чиста поля!» —
«Отойди ты, голь кабацкая,
От окошечек косивчатых,
Не надсмехайся надо мной,
Над старухой победною⁶:
Кабы было рождено мое дитячко
Молодой Добрыня Никитинич,
Так недосуг было голям кабацкиим надсмехаться». —
Он и говорит: «Ай же ты, свет-государыни матушка,
Намельфа Тимофеевна!
Отложай воротечка решетчатые,
Встречай молодого Добрыню из чиста поля!» —
«Отойди ты с добра, голь кабацкая,
От окошечек косивчатых,
Не надсмехайся надо мной,
Над старухой победною:
А то пошатаю⁷ своей старостью глубокою,
Выйду на улицу — я нечестно провожу». —
«Ай же, свет-государыни матушка!
Почему ты не узнала своего сына любимого,
Молодого Добрыню Никитича?»
Она говорит: «Как у молода Добрыни Никитича

На ножках востры чоботы семи-шелковые:
А у тебя, голь кабацкая, рваные-плаченные;
Еще у Добрыня Никитича было личико белое-румяное:
А у тебя, голь кабацкая, зарудилось⁸;
Очи были ясныя как у сокола да заморского:
А у тебя, голь кабацкая, очи помутились;
У молодого Добрыни Никитича были кудри желтые,
В три-ряд кудерка колечками вились в круг верховища:
А у тебя, голь кабацкая, по плечам висят;
На кудерышках была шляпа новая пуховая:
А у тебя, голь кабацкая, рваная-плаченная». —
«Ай же, свет-государыни матушка,
Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
Через двенадцать через годиков
Прервались вострые чоботы
От булатных от стременов во чистом поле;
Зарудилось личико белое
От поганья крови татарския;
Помутились очи ясныя
Во чистом поле от ветров от буйных;
Отрослись волосы желтые
Через двенадцать годичков длинных;
Прирвалась шляпа пуховая
От дождичков от частых во чистом поле». —
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Как у молода Добрыни Никитича
Под правой пазухой есть родимая знабедка⁹».
Тут скидывался Добрыня скоро у окошечка,
Показывал матери родимную знабедку.
Тут старуха своей старости не услышала,
Бежала скоро на улицу,
Брала Добрыню за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя,
Называла сыном любезным,
Молодым Добрыней Никитичем,
Проводила во свои палаты белокаменны.
Он молился тем крестам пречудным,
Спасу и Пречистой Богородицы,
Он тут спросил:

«Где моя молода жена, любима семья
Наталья Микулична?
Не встречает что меня из чиста поля?» —
«Твоя молода жена сегодня пирует
Со смелым со Олешой Поповичем». —
«Вчера прошла неделя, как мы виделись
С Олешой во чистом поли,
Крестами мы побратались,
Он назвался крестовым меньшим братцем,
А теперь уж меньший брат
У большего брата жену увел!
Ах ты свет-государыни матушка!
Неси ты мне платье скоморошное,
Неси гусли яровчаты».
Она несла ему платье скоморошное
И гуселка яровчаты,
Он надевал одежду скоморошную
И брал гуселка яровчаты,
Пошел он к Олеши на почетной пир.

Приходил он в палаты белокаменны,
Крест он сполна кладал да по-писаному,
Поклон ведет он по-ученому,
Кланялся он на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину,
Смелому Олеши Поповичу
С молодой Натальей Микуличной в особину;
Сам говорил таковы слова:
«Солнышко, князь стольно-киевский!
Нет ли местечка немножечко
Малой скоморошинке,
Поиграть во гуселышка яровчаты?»
Говорил как солнышко князь стольно-киевский:
«Ай же ты, малый скоморошина!
Все местечки призяжены:
Есть на печки муравленой
Местечка немножечко».
Тут-то Добрыня на ножку легох-то был,
Подскочил он на печку муравлену;
Как начал он гуселок налаживати,

Струну натягивал будто от Киева,
Другу от Царя-града
И третью с Еросолима,
Тонцы он повел-то великие,
Припевки-то он припевал из-за синя моря:
Тут все на пиру пораслушались.
Говорил-то солнышко Владимир князь:
«Ай же, малая скоморошина!
Не твое место сидеть на печки муравленой,
Твое место сидеть супротив князя и княгини,
Смелого Олеши Поповича».
И посадили супротив смелого Олеши Поповича
И молодой княгини Натальи Микуличной.
И говорила тут малая скоморошина:
«Ай же, солнышко Владимир князь!
Позвольте мне налить зелена вина,
Мерю чара в полтора ведра,
Весом полтора пуда?»
Говорит солнышко Владимир князь:
«Ай же, мала скоморошина!
За твою игру великую,
За утехи твои за нежняя,
Без мерушки пей зелено вино,
Без расчета получай золоту казну!»
Он как налил чару зелена вина,
Мерой в полтора ведра,
Весом только полтора пуда,
Спустил он свой перстень обрученный,
Которым перстнем обручались
С Натальей Микуличной,
Подавал ей чару единой рукой
И говорил-то ей таковы слова:
«Ай же, молода княгиня Наталья Микулична!
Ты пей до дна, то увидишь добра,
А не пьешь до дна, не увидишь добра».
Она выпила чару до дна зелена вина,
Увидала она перстень свой обрученный,
Которым перстнем да обручались,
Как тут говорила сама да таковы слова:

«Ай же, солнышко Владимир князь!
Не тот мне муж, который под рукой сидит,
А тот мой муж, который супротив сидит,
Который наливал да зелена вина:
Тут-то сидит не мала скоморошина,
Тут сидит Добрыня Никитинич».
Как сама-то вставала на резвы ноги,
Скочила через ты столы да дубовые,
Пала к молодцу Добрынюшки на белу грудь,
Целовала его во уста во сахарныя,
Называла молодым Добрыней Никитичем.
Как тут говорил Добрыня Никитинич:
«А не дивую я женщины:
У женщины волос-то долог, да ум-то короток;
А дивую я солнышку князю Владимиру:
А что ежели женщина добром нейдет,
Он силом берет;
И еще дивую братцу крестовому
Смелому Олешу Поповичу:
Вчера прошла круглая неделюшка,
Как мы виделись с Олешой во чистом поле,
Крестилися мы, браталися,
Назвался Олешенька меньшим крестовым братицем;
Теперь меньшей брат у большего жену увел!
Есть ли тот закон на свете,
Чтобы от живого мужа жену отобрать?
Как был бы Олеша не крестовый брат,
Взял бы я тебя, Олешу, правой рукой,
Правой рукой за желты кудри,
Здынул [10](#) бы тебя, Олешу, через ты столбы дубовые,
И бросил тя, Олешу, о кирпичный пол:
Столько бы ты Олеша и жив бывал!»
Взял Олешу левой рукой за желты кудри,
Здынул через ты столбы дубовые,
Бросил Олешу о кирпичный пол,
Пинул Олешу да под лавицу;
Алешенька с-под лавицы да выговаривает:
«Всякой на свете да женится,
Не всякому женидьба удавается;

Удалась женидьба Дунаю Дунаевичу,
Да старому Ставру сыну Гоудиновичу,
Да еще молодому Добрыни Никитичу!»
С того стыду да сорому
Пошел Олеша на чужую дальнюю сторону.
Тут Добрыня Никитич
Взял молодую жену за белы руки,
Пошел он вон с палат белокаменных,
Повел во свои палаты белокаменны.
Более Добрынюшка не стал да выезжать,
Выезжать во чисто поле,
Боле он стал проживать во Киеве.

Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

(От сумозерского крестьянина Андрея Сорокина, записано 1861 г.)

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 2. - Москва. Народные былины, старины и побывальщины. - 1862.

- 1 Дно, задок гребня (кость) — Изд.
- 2 Щеголять, чтобы ты щеголял. — Изд.
- 3 Не медеет, не меднеет, не железеет. — Изд.
- 4 Ждут — не дождутся, когда приедет. — Изд.
- 5 Задом к реке. — Изд.
- 6 Бедною, несчастною. — Изд.
- 7 Встряхну. — Изд.
- 8 Замаралось, загрязнилось. — Изд.
- 9 Приметочка. — Изд.
- 10 Поднял. — Изд.